

И. В. Ким

МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ СИМУЛЯКРОВ

Современная ситуация в социальном познании может быть представлена как ситуация кристаллизации «новой рациональности», расширяющей сферу рационально-теоретического дискурса из-за признания эвристических ценностей ранее отвергнутых негативных социальных практик. Одной из граней расширения сферы рационально-теоретического дискурса можно считать развитие социальной теории симулякров и симуляций как видов репрезентации. На наш взгляд, понятие «симуляция» в современном общественном знании может сыграть ключевую роль для преодоления онтологического фундаментализма, обусловленного своеобразным культурно-историческим опытом и следованием метафизической традиции западной культуры. Специфику проблемы симуляции в современной философии невозможно понять без рассмотрения ее в рамках классической модели репрезентации.

С традиционной точки зрения репрезентация – это создание образа чего-либо, дающего определенное представление об объекте, представление объекта, но не прямое, коим является презентация, а опосредованное, т. е. посредством каких-либо идей или образов. Наиболее общее определение может быть зафиксировано как «представление одного в другом и посредством другого».

Репрезентация является конститутивной функцией знака, поэтому понятия «репрезентация» и «знак» взаимно определяют друг друга. Репрезентация создает знак и сама предстает как знаковый феномен. Оба понятия раскрываются через связь с презентацией как присутствием или наличием, что демонстрирует традиционный подход к их определению. Связь выражается в том, что феномен репрезентации изначально задается как «запоздывающий» или вторичный относительно присутствия – презентации, т. е. репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент представления) объекта, который она репрезентирует. Отсюда выводится ее значение правомочного «представительства». Поэтому понятие репрезентации изначально оказалось осложнено значением отображения или образного представления, правомочного замещения. Классическое толкование репрезентации соотносит ее с понятием знака, определяя и презентацию, и репрезентацию в модусе деривации как вторичные относительно присутствия. Но и современная философия рассматривает репрезентацию нераздельно от знакового пространства. Понятия присутствия, тождества и истины помещают любое возможное определение в ситуацию «репрезентации круга».

Репрезентация как проекция включает в себя представление о том, какой она должна быть. «Репрезентации присуще представлять не только нечто, но и собственную репрезентативность»¹. Если следовать наивной точке зрения, то репрезентация каким-то образом воспроизводит воспринимаемую форму объекта. Эта точка зрения лежит в основе и логики эксперимента, и феноменализации формы: действительно, репрезентация субъектом объекта недвусмысленно отождествляется с воспринимаемой «феноменальной формой». Однако, благодаря изначальной недостижимости идентичного отображения субъектом объекта, репрезентация лишь устанавливает конкретное тождество форм. Иными словами, репрезентация представляется как конвенционально принятое установление тождества, которое кажется «правильным» или «подлинным». Отсюда репрезентация в целом есть функция визуального понимания, которым обладает субъект, но отсюда же репрезентация есть лишь акт симуляции.

Понятие репрезентации как симуляции противопоставляется привычному, «позитивному» понятию: с точки зрения последнего симуляция предстает как ложная репрезентация, но если исходить из первого, то становится явным симулятивный характер всякой репрезентации. Второе понятие снимается первым: репрезентация оказывается рабочим элементом механизма симуляции. Речь уже идет не о ложной репрезентации реальности, а о том, чтобы скрыть, что реальное больше не является реальным. Симуляция упраздняет «принцип реального».

В классической трактовке репрезентации выполняется условие тождества мыслимого и мыслящего. Вещи в рамках такого порядка не конституируются, а отражаются. Классическая модель линейна и однонаправлена: ниспадающее движение от запредельного блага к неопределенной материи. Высшее выражает себя в низшем посредством уподобления. Тема возвращения к подлинной реальности, истине, абсолютному, божественному – основная тема античной и средневековой онтологии. Проблема видимостей, подобий присутствовала в теологической схеме репрезентации, заложенной еще Платоном. В качестве оригинала берется трансцендентальная модель – идея. По отношению к ней, по признаку внутреннего, духовного подобия, рассматриваются остальные претенденты – копии и симулякры.

В рамках классической модели репрезентации симулякр следует понимать как копию копии, след следа, удвоение удвоения, которое, так же как и копия, претендует на обозначение оригинала, подлинника. В границах иерархии ниспадания к «ущербным» сущностям становится возможным паразитирование на теле знака, размежевание смыслов. В отличие от подлинной репрезентации, апеллирующей к Единому, Истинному, Божественному, которая, конечно, возможна в классической философии, симулякр – это копия, искажающая свой прототип, а так как истинность определяется, исходя из схождения или несхождения с идеей вещи, то симулякры лишаются онтологического статуса и осуждаются как подделки, вымыслы, призраки. Значит,

в рамках концепции Платона симулякр представляется в качестве исключительно искусственной негативной сущности. Симулякр противопоставляется действительности как не истинное, а стало быть, и не действительное, посягающее на Единое.

Неклассическая модель связана в первую очередь с типами философствования, которые отходят от рационализма, субъектно-объектных отношений, диалектичности, философии тождества. Если в классической традиции речь шла об адекватной передаче первоисточника, трансляции его на все нижестоящее, то в неклассической акцент делается на трансформациях, превращениях, постоянном умножении бытия, поскольку его энергия питается смещениями, сдвигами, несоответствиями. Язык современной философии работает в асистематичных, незавершенных, открытых пространствах, тяготеющих к аллегорическому толкованию действительности, к избыточности свободного действия, к выходу за пределы наличного бытия.

В рамках неклассической модели репрезентации симуляция уже не видится как ложная репрезентация, наоборот, всякая репрезентация становится симуляцией. В философии различия симулякр приобретает онтологический статус. В рамках теории симуляции считается, что человек осуществляет социальную деятельность только в пространстве эквивалентных замещений, т. е. обмена, правила которого заметно видоизменяются в зависимости от культурного и исторического контекста.

Симуляция предстает как новый тип абстракции, и это уже не абстракция от некоторого референциального бытия, некоторой субстанции. «Кастрация реальности» делает явным симулятивный характер всякой репрезентации. Реальность операционализируется: она производится и может неограниченно воспроизводиться. Симуляция – это порождение посредством моделей реального «без происхождения и реальности». И действительно, реальное как синтетический продукт комбинаторных моделей – это уже и не реальное в строгом смысле, поскольку его больше не прикрывает никакое воображаемое, а гиперреальное. «Само определение реальности гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести... В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено в гиперреальность»².

Симуляция как социальная репрезентация представляет эвристическую ценность в исследовании нового порядка социального, поскольку развитие этого концепта отражает наиболее актуальные социальные сдвиги. Здесь мы остановимся на анализе феномена идеологии, ибо укоренение симуляции в социальном пространстве тесно переплетается с тем, что С. Жижек обозначил как «идеологический симптом». Объект идеологии не так прост: поименование, означивание и весь ряд символических смыслов составляют его целостность, затмевая действительность того, «что есть на самом деле». Симуляция социальной действительности, поддержания видимости становится единственной возможной социальностью; ложь в идеологизирован-

ном социуме – гораздо в меньшей степени вымысел, чем истина. Говорить ложь – значит поддерживать идеологический гомеостаз, процесс симуляции социального, поскольку даже если удастся выявить истину, это ничего не изменит, поскольку этого «на самом деле» не существует. Нам не представлена иная реальность, лишь ее идеологическая, метафизическая надстройка, «субъективная объективность», фетиш в чистом или снятом виде, фантазматическое обращение вещей, не способных опосредовать наши связи, связи живых людей. «...вопрос состоит не в том, чтобы увидеть вещи (то есть социальную действительность) так, “как они существуют на самом деле”, без кривого зеркала идеологии, а в том, чтобы понять, почему действительность как таковая не может существовать без “идеологической мистификации”. Маска не просто скрывает действительное положение вещей – идеологическое искажение вписано в самую его суть»³.

С. Жижек в своей теории товарного фетишизма заостряет особое внимание на трансформации социальных связей, определенного рода мистификации и подмене реального процесса. Если Маркс термином «фетишизм» заявил об овеществлении социальных связей, то теория симулякров выявляет закономерное продолжение этого процесса – «развеществление». Такое гармоничное сочетание двух концептов (симуляции и фетишизма) возможно лишь в силу их странной идентичности, симулякр предстает в самых разных и неожиданных ролях и местах.

Фетишизм – это своеобразная вера, вследствие которой результатам человеческой деятельности придается мистическая самостоятельность и могущество. Маркс показал, что корни фетишизма надо искать в объективном извращении и перевертывании отношений между субъектом и объектом, в пресловутом овеществлении социальных отношений, т. е. в низведении человека до уровня вещи. Подмена субъекта и его устранение, психологическая дилемма Я и Другого являются развитием теории товарного фетишизма и также заходят в поле симуляции.

Сущность товарного фетишизма состоит в том, что стихия общественных отношений, господствующая над людьми, внешне выступает в виде господства над ними определенных вещей. Таким образом, экономические отношения между людьми в условиях товарного производства с необходимостью облекаются в форму общественных отношений между вещами. Происходит так называемое овеществление производственных отношений.

В фетишистской вселенной люди воспринимают общественные отношения в виде отношений между вещами, свойства объекта-фетиша сами создают место для этого объекта в социальной или идеологической структуре. Жижек уверяет, что люди прекрасно знают, как в действительности обстоят дела; им хорошо известно, что за «отношениями между вещами» стоят «отношения между людьми». Парадокс в том, что в своей социальной деятельности они поступают так, как если бы не знали этого и следовали за фетишистской иллюзией.

Иллюзия фетиша-симулякра опосредована фундаментальной верой Другого. Симулякр не имеет референта, лишен центра, а потому и субъективности. Иллюзия фетишизма покоится на абсолютно идентичных началах. Их общий парадокс состоит в том, что это смещение реального, которое они с необходимостью образуют, является изначальным и основополагающим, а возможно, и предшествующим реальному. Фетишистская сущность симулякра заключена в том, что симулякр не может быть признан, принят прямо, он как бабочка-однодневка, и нелегко нашему расчлененному на ипостаси Я, как выразился бы Лакан, пережить его смерть, поэтому он признается лишь верой в другого симулякра. Самоидентификация в среде идеологической безосновности и симуляционной текучести превращается в акт попытки самопожертвования, череду смертей Другого в угоду новому.

Структура, скрытая элементом-фетишем, может возникнуть только тогда, когда будет совершен жест замещения. Другими словами, структура всегда, по определению, является означающей структурой, структурой означающих, которые замещают означаемое содержание, а не структурой означаемого. Это и есть замещение, приобретающее в теории товарного фетишизма своеобразную негативность. Если Деррида видел в замещении лишь инструмент для достижения искомого, то теперь замещение становится необходимостью нашего существования. Вклиниваясь в порядок символического, оно формирует идеологическую структуру, подменяя реальное и прямо заявляя о подмене, низвергает действительное «на самом деле» до унизительного обслуживающего фона. В модели фетишизма социальное пространство пребывает в постоянном процессе становления, а это означает смещение, замещение и симуляцию социальности.

Подводя итоги, можно сказать, что симулякр проходит сложный путь от полной негативности, обманки, образа без референта к сверхпозитивному, т. е. к более чем существующему «кирпичику» внереферентной онтологии, основанной на различии, и, наконец, приобретает новый статус в пространстве социального, а именно становится мерой социального, воплощением и меновой единицей в процессе его постоянного становления. Социальное обращается в саморазвивающееся пространство симулякров.

Любая репрезентация становится симулятивной, но не просто обманкой, а социальным конструктором, цель которого не обман, а творение, ведь в символическом пространстве любое искажение немедленно приводит к созданию нового. Симуляция повергает реальное и способствует «имплозии социального»⁴ как жесткой формы и в то же время оказывается единственной формой, в которой возможно его единение.

¹ Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 108.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 152.

³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 35–36.

⁴ См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.